

— **ВЫ ПОМНИТЕ** слова Анатолия Васильевича Луначарского, окрылившие советский театр в самые первые годы его существования: «Революция сказала театру: театр, ты мне нужен!». И русский реалистический театр во главе с его душой, Константином Сергеевичем Станиславским, отдался своему революционному долгу вдохновенно, всей силой своего могучего таланта.

Прошло много времени, полвека. Но театр и сейчас нужен революции. Об этом со всей остротой напомнил нам апрельский Пленум ЦК КПСС. — Театр, ты нам нужен! — говорит партия. И это не только лозунг. Это и мера полезности каждого из нас.

Так начал беседу главный режиссер Академического театра драмы Литовской ССР, заслуженный деятель искусств республики Генрикас Пранович Ванявичюс.

— Вы спрашиваете, как я понимаю свою главную тему в искусстве? Определилась ли она? Без отчетливого понимания ее, этой главной темы, художник блуждал бы в потемках, шел бы на ощупь, рискуя растерять все — и время, и силы.

Мой пятнадцатилетний режиссерский путь (тринадцать лет я проработал в Каунасском драматическом театре и вот теперь, два сезона, здесь, в Вильнюсе), в сущности, весь состоял из поисков решений сверхзадачи моего творчества. Речь идет об ответственности советского художника за свое искусство, советского человека — за всю свою деятельность. За то, что он совершил и к чему остался безучастным. За все, что происходит с ним рядом. За мир и счастье на земле. Это тема чистой совести, чистоты человека по отношению к обществу, к людям, к другу, к себе самому.

Мое убеждение: театр призван утверждать Личность, проповедовать активность Человека, проповедовать за смелость и самоотверженность. Театр призван disproвергать мещанское «невмешательство», отгораживание от бурь и гроз эпохи мелкими мыслями и мелкими страстишками. Театр должен решительно отвергать всякую попытку уйти от ответственности за судьбы народов.

Идет жестокая борьба идей, борьба не на жизнь, а на смерть. И надо делать выбор. За высокие идеалы. За героя. За правду и борьбу. За солнце. За реализм. Или против всего этого, а следовательно, за ничемных и бессильных, «иррациональных» субъектов, запутавшихся в темных закоулках собственной патологической психики.

За или против.

Третьего не дано.

Компромисс невозможен, поиски его тщетны и недопустимы. Человек — главное в искусстве. Утверждение Человека в человеке — вот в чем вижу я цель творчества, высшее призвание театра.

Иногда к утверждению приходится идти через отрицание. Но важно, чтобы цель не тускнела ни на один час. Важно, чтобы театр окрылял людей, дарил им радость бытия. Излучал оптимизм. Иначе он перестает быть театром.

Духовная пассивность, бездеятельность, безверие, нигилизм — прямой путь к нравственному закабалению, рабству: существо подавленное, поработенное, инертное — наилучший материал для свершения любого преступления. Цинизм — «защита» от идеалов.

«Цинизм прикрывается и свободой — исканием полной свободы, — это наиболее подлая маска его», — предупреждал еще Максим Горький.

— Как, исходя из своего творческого

кредо, вы формируете репертуар театра, на каких пьесах и почему останавливаете выбор?

— Я вынужден лачать в прошлото, с работы в Каунасском драматическом театре, ибо меня и сегодня очень многое связывает с этим коллективом. Я ведь попал в него вместе с основным актерским «костяком» этого театра, после окончания ГИТИСа, где мы, литовские артисты, сразу же после войны получили отличную школу идейности и мастерства, зарядку, которая определила всю нашу жизнь в искусстве.

Итак, прежде всего чеховские «Три сестры».

Может, кто-нибудь считает, что мы прочитали бессмертную чеховскую драму «старомодно». Мы действительно не искали невероятных, уникальных средств «осовременивания» этой пьесы, выражающей горькую и страстную любовь Чехова к людям, боль за них. Идейным и эстетическим нервом спектакля мы постарались сделать открыленность чеховского духа, естественность, правомерность его стремления к свету, право человека на мечту. Как высок и благодороден ест человек, и какие огромные деяния призван и может он свершить! Но как опасно для него, как оскорбляет и позорит его воинствующее мещанство, пошлость преуспевающего обывателя!

Вот что старался каунасский

театр сказать своим спектаклем.

Кроме «Трех сестер», мне очень дорог спектакль того же театра по пьесе Фредерика Гарсиа Лорки «Дом Бернарды Альбы». Может показаться странным, что я ставлю их рядом, эти две столь несхожие пьесы двух столь несхожих мыслителей и художников. Но, по-моему, они являют собой две стороны одной и той же высокой гуманистической темы.

И не случайно моей первой работой в столице Литвы, в Вильнюсе, в Академическом театре драмы, была постановка пьесы Л. Леонова «Нашествие».

Я люблю эту пьесу за ее целому-дренную, благородную веру в духовные силы человека, разбуженные великой идеей. Я хотел показать вели-

ЗА или ПРОТИВ?

рядом с интересным
собеседником

кодушные, чистоту, мужество и самоотверженность русского характера, показать, что такое истинное человеколюбие и что такое истинная жестокость. Я убежден: нельзя забывать о напизме, о горьких и тяжких уроках прошлого, нельзя переставать гордиться подвигом сильных духом.

Прямо перекликается с леоновской драмой (сыгранной нами впервые на литовском языке) новая опера композитора В. Палтанавичюса «На перепутье», которую я поставил в юбилейном году на сцене Академического театра оперы и балета Литовской ССР. Между прочим, это первый музыкальный спектакль в моей режиссерской биографии.

В опере «На перепутье» меня снова привлекла моя заветная тема. Это трагедийный музыкальный рассказ о моральной стойкости человека, поставленного лицом к лицу с фашизмом.

Герой оперы — литовский интеллигент, ставший жертвой жестоких гитлеровских пыток, но не склонивший головы, не погрешивший против своего высокого гражданского долга.

Оформлял спектакль художник Феликс Навицкас — мой большой друг, идейный и эстетический единомышленник. С радостью узнали мы, что наша работа получила высокую оценку и признание на всесоюзном смотре юбилейных спектаклей.

— А как вы объясняете включение в ваш репертуар такой пьесы, как «Затворники Альтоны» Ж.-П. Сартра?

— Трудно коротко ответить на этот вопрос, не впадая в грех упрощения и вульгаризаторства. Но, поверьте, прежде чем остановить свой выбор на «Затворниках Альтоны», я прочел многое и из произведений Сартра, и из произведений о нем. С радостью заметил, что большой талант художника-гуманиста, нервно и чутко пульсирующая совесть гражданина-антифашиста приходят где-то в прямое противоречие и даже вступают в противоборство с философской концепцией экзистенциализма.

Я остановил овой выбор на пьесе Сартра потому, что нашел в ней ма-

такля образ Лени. Это законченная, доведенная до «совершенства» арийка, фанатичка нацизма, хищница, «аристократка тевтонского духа». Для нее нет норм, нет недовольного. Она презирает весь мир. В том числе даже брата-любownika Франца. Не за то, что он оказался палачом. А за то, что он не нашел в себе силы оставаться палачом до конца. Считать, что «делал то, что желал, и желал то, что делал». Лени — живой и зловещий символ боннского реваншизма, символ кровавой агрессии.

Но главный виновник всех преступлений — респектабельный и корректный Отец, который никого не убивал, а лишь продавал и покупал забвение. Спасая своего «принца», он

идеяная концепция будущей постановки «Миндаугаса» для меня ясна, но в работе с актерами она корректируется, дополняется, обростает плотью.

Во-первых, этот спектакль должен утверждать масштабный, значительный характер талантливого человека. Наметившаяся в некоторых театрах тенденция к измелчанию, обесцвечиванию личности кажется мне и опасной, и недостойной.

На сцене социалистического театра должен царить Человек, Личность, Герой. Какое же это искусство, кому оно служит, если оно барахтается в сумерках бытия серых, незадачливых людишек!

Во-вторых, это опять-таки должен получиться разговор о долге человека перед людьми, о его готовности к высокому самоотвержению в борьбе за их благо.

И Марцинкявичюс, и я, мы оба уже очень любим героя будущего спектакля, гордимся им. «Миндаугас» — будет спектакль о жизни, о красоте такой жизни, хотя неспасаемая воля человека-борца порой делает эту жизнь очень тяжелой...

Так, коротко говоря, видится мне главный нерв будущего спектакля, посвященного делам давно минувших дней. Но мы верим, что наш «Миндаугас» станет вполне современным явлением искусства.

— Разделяют ли ваши взгляды артисты? Чтобы сыграть героя, надо быть идейно, нравственно, психологически подготовленным к этому.

— Да, конечно. В коллективе нашего театра немало очень одаренных артистов, артистов высокой сценической культуры, философски зрелых художников, способных понять и воплотить на сцене большую идею.

Из ведущих артистов театра я называл бы прежде всего Ионаса Кауляускаса. У него богатая актерская душа. Помимо большого, счастливого таланта, есть у него еще душевная убежденность и благородство, удивительная сердечная чистота. Пожалуй, по праву я могу считать своим учеником (и не скрою, любимым!) Регимантаса Адомайтиса. Мы работаем с ним много и давно. Физик по

такля-диспуту, спектакля-раздумья против нравственного компромисса. За честность, бескомпромиссность.

— И еще вопрос, связанный с этой частью беседы: над чем вы работаете сейчас?

— С огромным увлечением работает сейчас наш коллектив над драмой-поэмой Ю. Марцинкявичюса «Миндаугас». Это первое драматическое произведение выдающегося поэта и вторая моя встреча с ним в театре. Десять лет назад я поставил в Каунасе инсценировку поэмы Марцинкявичюса «Двадцатая весна». Вообще я тесно сотрудничаю с современными литовскими писателями. Много и плодотворно мы работали с драматургами А. Грицюсом, И. Авижюсом и другими.

Идеяная концепция будущей постановки «Миндаугаса» для меня ясна, но в работе с актерами она корректируется, дополняется, обростает плотью.

Во-первых, этот спектакль должен утверждать масштабный, значительный характер талантливого человека. Наметившаяся в некоторых театрах тенденция к измелчанию, обесцвечиванию личности кажется мне и опасной, и недостойной.

На сцене социалистического театра должен царить Человек, Личность, Герой. Какое же это искусство, кому оно служит, если оно барахтается в сумерках бытия серых, незадачливых людишек!

Во-вторых, это опять-таки должен получиться разговор о долге человека перед людьми, о его готовности к высокому самоотвержению в борьбе за их благо.

И Марцинкявичюс, и я, мы оба уже очень любим героя будущего спектакля, гордимся им. «Миндаугас» — будет спектакль о жизни, о красоте такой жизни, хотя неспасаемая воля человека-борца порой делает эту жизнь очень тяжелой...

Так, коротко говоря, видится мне главный нерв будущего спектакля, посвященного делам давно минувших дней. Но мы верим, что наш «Миндаугас» станет вполне современным явлением искусства.

— Разделяют ли ваши взгляды артисты? Чтобы сыграть героя, надо быть идейно, нравственно, психологически подготовленным к этому.

— Да, конечно. В коллективе нашего театра немало очень одаренных артистов, артистов высокой сценической культуры, философски зрелых художников, способных понять и воплотить на сцене большую идею.

Из ведущих артистов театра я называл бы прежде всего Ионаса Кауляускаса. У него богатая актерская душа. Помимо большого, счастливого таланта, есть у него еще душевная убежденность и благородство, удивительная сердечная чистота. Пожалуй, по праву я могу считать своим учеником (и не скрою, любимым!) Регимантаса Адомайтиса. Мы работаем с ним много и давно. Физик по

образованию, человек удивительно любознательный и всесторонне-культурный, этот очень молодой и современный артист, одаренный богатым талантом и пленительным обаянием, уже занимает видное место в сегодняшнем театре и кинематографе.

Среди моих товарищей, соратников и единомышленников такая прекрасная актриса, как М. Растекайте, — художник умный, тонкий, обладающий даром очень точной акцентировки. Нельзя не вспомнить А. Хадаравичюса, Г. Караускаса, А. Росенаса, И. Ригертаса и, конечно, всю плеяду мастеров сцены старшего поколения, работа с которыми радостна и чрезвычайно ответственно для режиссера.

Моя задача — пробудить в актере мысль и помочь ему выразить ее как можно ярче и правдивее. Никто не должен никому подражать. Никто не должен навязывать другому своего решения. Нужно, чтобы актеры «звразжались» режиссерским видением, режиссерской концепцией не из уважения к авторитету, а по убеждению. Режиссер, стало быть, должен доказать, что так и только так может поступать, мыслить, выглядеть герой.

Да, я абсолютно «актерский» режиссер. Классическое положение К. С. Станиславского я понимаю в самой активной форме: не только «умирать в актере», но и жить, жить, как соратник, как товарищ в бою, как советчик и как справедливый судья.

Театр может существовать, по-моему, только «на равных». Как коллектив единомышленников, исповедующих общие взгляды, сражающихся за общие идеалы и при всем том объединенных общими чертами художнического стиля. Для того чтобы создать такой ансамбль, надо до конца разобраться в духовном мире, в нравственном складе, в характере, в даровании каждого артиста, помочь ему «найти себя», поверить в себя, помочь ему взять от своего таланта все, что он может, и отдать зрителю. Если мне удастся достигнуть этого, я счастлив.

Я не терплю фальши на сцене, провинциального наигрыша, формотворчества, манерничанья.

Я реалист. И реализм, который я исповедую, не какой-то расплывчатый, беспредметный, безграничный, а совершенно конкретный — социалистический.

И я неколебимо убежден: будущее именно за таким театром. Мода приходит и уходит, а театр остается, не умирает. Он будет жить — многоликий и прекрасный, его будут строить и совершенствовать художники разные, непохожие, но объединенные одним видением мира, одной жаждой — нести людям счастье. Театр будущего еще ярче, еще талантливее, еще краше и убедительнее станет «раскрывать глаза людям на идеалы, самым народом созданные», как говорил Станиславский.

Беседу вел Ольга МАКАРОВА. ВИЛЬНЮС.